

АГРОМАНТ

УРОЖАЙ ЕЩЕ ТОТ

Савва Гукай

Зомби и тыквы

Савва Гукай

Агромант. Урожай еще тот

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гукай С.

Агромант. Урожай еще тот / С. Гукай — «Эксмо»,
2026 — (Зомби и тыквы)

ISBN 978-5-04-252858-3

Кто из нас не мечтал сбежать из душного офиса на природу, отдохнуть на даче и покопаться в огороде? Егор мечтал, но его желание исполнилось самым неожиданным образом: магический артефакт, полтора гектара бывшего кладбища и зомби-помощники. Сдувая пыль с диплома агронома, наш герой берется за мотыгу. Когда у тебя растут чёрные помидоры за пять минут, тыквы корчат рожи, а из грядок встают скелеты прополоть сорняки — это не беда, а агромантия!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252858-3

© Гукай С., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Савва Гукай

Агромант. Урожай еще тот

© Гукай С., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Скелет по имени Костадин снова сломал мотыгу. Третью за неделю.

Я бы разозлился, но злиться на того, кто умер семьсот лет назад, как-то мелко. Тем более что мой личный зомби-дворецкий Живко уже сказал куда больше, чем я мог сам.

– Господарю, – драматически произнес он, глядя на обломки, – напомниме, за что именно эти люди отдали жизнь на поле боя? Судя по произошедшему, явно не за сельское хозяйство.

Костадин виновато переступил с ноги на ногу, лязгнув костью о кость. Рядом подвязывал розовый куст Добри. Цветок в его глазнице придавал образу особой свежести. Ну... насколько свежим может быть скелет. Кстати, единственный из моих скелетов, наделенный хоть каким-то чувством прекрасного. Бутоны были черными и светящимися, потому что нормальных роз на моем участке отродясь не водилось.

Я стоял посреди своего поля и смотрел, как на ближайшей грядке в мою сторону медленно поворачивается тыква, явно раздумывая: укусить или нет?

В утреннем тумане мерцали черные томаты. Перцы-капия светились нежным зеленоватым огнем. А над всем этим великолепием из-за хребта Стара Планина вставало солнце, и вся зелено-золотая Долна Махала лежала как на ладони. Просто невозможно красивая.

Моя долина, скелеты и грядки с некромантическими овощами.

Три месяца назад я сидел в опенспейсе на проспекте Мира и правил слайды про оптимизацию логистики удобрений для Центрального региона.

Жизнь весьма смешная штука. Особенно когда заканчивается.

* * *

Началось все с Болгарии, точнее, с кургана.

Наш агрохолдинг «ЦентрАгро» спонсировал археологическую экспедицию. Только не из любви к науке, конечно, а из любви к налоговым вычетам. Раскапывали фракийский курган где-то между Казанлыком и Шипкой в самом сердце Розовой Долины. Курганы второго тысячелетия до нашей эры, погребение жреца, все дела. Мне как представителю спонсора с профильным образованием, велели ехать на место и обеспечить присутствие компании.

Переводя на человеческий, сфоткаться на фоне раскопа для корпоративных соцсетей. Разумеется, никакого специального образования у меня не было.

Я не жаловался. Впервые за три года командировка не в соседний городок, а в Болгарию. Розовая Долина в мае – это запах, от которого голова идет кругом. Тысячи гектаров дамасской розы в цвету, теплый ветер с гор и оранжевые черепичные крыши деревень. Милота.

И потом – сама земля. Боже, какая тут была земля! Я ведь агроном. Настоящий и с красным дипломом. Пять лет я не прикасался к почве, сидя в опенспейсе и делая презентации для людей, которые не отличают суглинок от супеси. А тут я присел на краю раскопа, взял горсть земли и чуть не заплакал от счастья. Какой тут чернозем! Жирный и невероятно рассыпчатый! Скажи, что живой, и не прогадаешь! И пахнет так, как должна пахнуть земля, когда она любит то, что на ней растет.

Археологи косились на меня с подозрением. Представьте, человек сидит на корточках и нюхает грунт... Зрелище, видимо, специфическое.

– Вы что-то нашли? – как-то спросила руководитель экспедиции, загоревшая настолько, что могла быть в терракотовой армии.

– Нет, просто... земля хорошая, – ответил я.

Она посмотрела на меня как на блаженного и отошла.

Три дня я болтался по раскопу, исправно делал селфи и отправлял отчеты. Каждое утро приходил раньше всех, чтобы посидеть на краю кургана и посмотреть, как солнце встает над долиной. Чувствовал себя идиотом, но при этом был совершенно счастлив.

А вот на четвертый день все изменилось.

Я спустился в нижний ярус раскопа, куда, откровенно говоря, представителю спонсора ходить не полагалось. Но археологи уехали в Казанлык за оборудованием, а мне было любопытно. Курган вскрыли еще не полностью, но уже хорошо виднелась каменная камера с остатками росписей, глиняные черепки и следы костра. А в дальнем углу было что-то... Хм, ребята, видимо, его и не заметили.

Из стены, как бы это сказать, торчал небольшой предмет. Вроде бронзовый, такой уже потемневший от времени. Форма... я сначала подумал, что это какой-то инструмент, но потом пригляделся.

Бронзовая фигурка напоминала древесный корень с ветвящимися отростками и утолщением наверху, чем-то похожим на луковичу. Фигурку покрывала зеленоватая патина, при этом детали были удивительно четкими.

Мне бы по уму оставить ее на месте и позвать археологов. Или сфотографировать и отойти. Я ведь знал правила, но...

Эта земля пахла полынью и розами. При этом еще примешивалось что-то темное и сладковатое, как запах прелых листьев осенью. Запах, который я почему-то узнавал, хотя никогда раньше не чувствовал. Странно? Странно.

Не отдавая себе отчета, я протянул руку и взял фигурку. Ладонь резко обожгло, земля тут же ушла из-под ног, а вокруг меня спиралью свернулась темнота.

* * *

Я пришел в себя лицом в земле. В *другой* земле.

То самое агрономическое чутье, которое пять лет офисной жизни так и не убили, подсказывало: что-то не так. Почва под моей щекой была другой. Та же жирность и тот же розовый запах, однако было что-то еще, чего в нормальной почве быть не должно. А еще казалось, что земля... гудит на грани слышимости. Ну, как... трансформаторная будка за стеной. Или это у меня в голове гудело?

Я сел, выплюнул травинку и огляделся.

Так... я оказался на грунтовой, весьма ухоженной дороге с глубокими колеями от колес. По обе стороны расположились заросли шиповника и дикой розы. Впереди виднелись холмы, а за ними – горный хребет, неуловимо похожий на Стара Планину, но... не совсем. Вроде повыше будет и позеленее. Словом, больше походило на иллюстрацию к сказке, чем на реальный пейзаж.

В правой руке я все еще сжимал бронзовую фигурку. А в левой обнаружился свернутый в трубочку пергамент, перетянутый красной лентой с восковой печатью.

Стоп, его еще секунду назад там не было. Откуда?

Я быстро развернул пергамент. Текст был написан от руки красивым крупным почерком с вензельками. По-русски, кстати, что само по себе было странно, учитывая, что минуту назад я стоял посреди болгарского кургана.

Запись гласила:

«Уведомление о вступлении в наследство.

Настоящим подтверждается, что податель сего Егор Семенов является единственным наследником имущества покойного Велизара Кръстановова, а именно: дома по адресу Тихий Лог, Долна Махала, 7; земельного участка при доме (1,7 гектара); слуги (1 шт.) и прилагающегося

инвентаря. Для вступления в наследство явиться к нотариусу Тихого Лога в любое удобное время».

Ниже стояли печать и подпись.

Я перечитал это дважды. Потом потрогал свой лоб, чтобы убедиться, не горячий ли. Нет, температуры не было точно. Посмотрел на бронзовую фигурку в правой руке, перевел взгляд на пергамент в левой. А потом на дорогу, уходящую к холмам.

Я сошел с ума? Или пока на грани? Где я вообще?

– Ладно, – вслух сказал я, потому что в таких ситуациях молчать – значит окончательно сойти с ума. – Ладно. Ну, допустим.

Встал, отряхнулся и пошел по дороге в сторону Тихого Лога.

Там будет видно.

* * *

Как ни странно, долго блуждать не пришлось.

Нотариус оказался маленьким лысым человеком в расшитой жилетке и с усами такого размера, что на них можно было сушить белье. Его контора располагалась в каменном доме с белеными стенами, выступающим вторым этажом на деревянных подпорках и резным балкончиком. Дом был красивый и очаровательно кривоватый, чем-то напоминал торт у пекаря-начинашки – и я бы в жизни не определил в нем контору нотариуса, не окажись над дверью таблички. Просто сказочно повезло, что первым делом мне попался именно нужный мне дом!

– Семенов! – воскликнул нотариус, будто ждал меня всю жизнь. – Наследник! Проходите-проходите, чай будете?

Не дожидаясь моего ответа, он налил мне что-то безумно ароматное из медного чайника в глиняную чашку с красно-коричневыми потеками глазури. Чашка была теплой, шершавой и очень приятной в руках. Как все, что делается руками мастеров на ярмарках.

– Мурсальский горный, – пояснил он, заметив мой взгляд. – Лучший в Долине, между прочим. Вы пейте-пейте, а мы перейдем к делу!

Он шустро выложил передо мной стопку порядком пожелтевших бумаг. На них были печати, подписи и гербы, которые я видел в первый раз в жизни.

– Покойный Велизар Кръстанов, мир праху его... Хотя прах, строго говоря, в сложном юридическом положении, оставил вам все свое имущество. Дом, участок, инвентарь. И... – Тут он замялся.

– Слугу? – произнес я, делая глоток чая.

Вкусно. Похоже на тот, что я пил, едва приехав в командировку.

– О, вы внимательно прочитали, отлично! Да, верно. Слуга в подвале, как бы вам сказать... давно. Э... вы не пугливый?

– Я три года работал в опенспейсе с менеджером по имени Геннадий Палыч. Меня сложно напугать, – мрачно ответил я.

Нотариус моргнул, явно не поняв, но решил не вдаваться в подробности:

– Прекрасно, значит, справитесь. Вот ключи.

На стол легла связка ключей. Ого, кажется, такими можно драться.

– Подождите, а почему это наследство именно мне? Откуда у вас эти ключи? И... как я тут оказался?

Нотариус кивнул на бронзовый артефакт в моей руке:

– Велизар не имел наследников, поэтому разбросал несколько наследных артефактов по разным мирам. Вы его нашли, поэтому теперь получили наследство, – пояснил он. – А ключи... они появляются в нужном месте после предъявления документа.

– Но... – начал я.

– Долна Махала – это нижний квартал на выходе из городка у самой дороги к полям, – невозмутимо продолжил нотариус. – Дом увидите сразу. Он, скажем... весьма приметный.

– В каком смысле?

– Увидите, – повторил нотариус и улыбнулся так, что мне захотелось уточнить, не входит ли страховка жизни в наследственный пакет.

При всем этом... почему-то казалось, что история про разбрасывание артефактов не совсем верная. Нет, уса́тый нотариус не врал, но все же внутри было какое-то чувство. Только объяснить сложно.

* * *

Что ж... сказать, что дом был приметный – ничего не сказать.

Это как назвать пожар в пиротехническом магазине маленьким инцидентом – в общем-то, верно, но масштаб не передает.

Дом был из тех, что строили в эпоху Возрождения, с белеными стенами и темными балками. Второй этаж нагло нависал над первым – того и гляди рухнет.

Когда-то, наверное, дом выглядел солидно. Сейчас он даже не пытался. Достаточно оказалось беглого взгляда, чтобы увидеть, что штукатурка сползла клочьями, обнажая камень. Черепица там, где уцелела, оделась в мох. А где не уцелела... кокетливо зияла дырами. Балкон накренился градусов на двадцать и держался, судя по виду, исключительно на честном слове. Виноградная лоза давно взяла фасад под контроль, захватила крышу и явно присматривалась к дымоходу.

Я потоптался у калитки. Каким из ключей открывать? Калитка любезно решила этот вопрос сама и... просто отвалилась.

Ладно. Могло быть хуже. Этому жизнь меня уже научила.

Вздыхнув, я прошел через двор, заросший одичавшими розами. Розы здесь были... скажем прямо, странными. Обычные дамасские имеют розовый цвет и округлые лепестки. Эти же отливали почти черным пурпуром, и от них шел запах, напоминающий старое вино. Какая-то ядовитая красота, ей-богу.

По двору понятно, посмотрим, что тут с домом. Я провернул ключ в замке с диким скрежетом и аккуратно толкнул дверь.

Так... пахнет пылью, сухими травами и временем, которое не вернуть. В прихожей имелись каменный пол, вешалка с одиноким плащом, который, судя по виду, готов был рассыпаться от одного прикосновения, и лестница на второй этаж. Хм, была еще лестница вниз – наверное, в подвал.

Минуточку... *«Слуги (1 шт.)»*.

Я посмотрел на лестницу. Лестница посмотрела на меня. Нет, не в прямом смысле слова, но по ощущениям именно так.

– Ладно, – сказал я. Кажется, это становилось моей коронной фразой. – Ладно.

Что там говорил нотариус? Надо непременно проверить.

Подвал неожиданно оказался просторным, больше походившим на каменную комнату с арочным потолком. Вдоль стен тянулись всякие полки с пыльными банками, связки сушеных трав и какие-то склянки. В углу стоял массивный стол, заваленный книгами и бумагами. На нем – свеча в медном подсвечнике. Как-то странно оплывшая, будто горела совсем недавно.

В следующий миг я увидел высокое кресло с резной спинкой. В кресле сидел... Человек?

Высокий, очень худой и прямой, как линейка. Осанка, которой позавидовал бы гвардейский офицер. Из одежды на неизвестном был темно-коричневый сюртук длинного покроя (понятия не имею, как это называется) с остатками серебряной вышивки на воротнике и ман-

жетах. Жилетка. Рубашка с высоким воротом. И вишенкой на торте бордовая феска, сидящая чуть набок.

Кожа неизвестного была серо-зеленой. Здоровым такой цвет никак не назвать, как бы ни хотелось. Да и в целом он, положив руку на сердце, больше походил на труп. Но вот глаза... они были неуместно живые для существа, которое, кажется, не особо-то нуждалось в кислороде лет этак... дофигнадцать.

Труп... тьфу, незнакомец смотрел на меня. Я бы с радостью удрал, но ноги словно приросли к полу. Из «бей-беги-замри» почему-то сработало последнее. Авось пронесет.

Тем временем незнакомец плавно встал, по сути сделав одно элегантное движение. Одернул сюртук, поправил феску и произнес скрипучим голосом:

– Приветствую вас, господарю. Меня зовут Живко, я ваш слуга. – Он сделал паузу, а потом добавил: – Предыдущий хозяин умер сорок лет назад. Я уже начал скучать.

Я сглотнул и выдавил:

– Здравствуйте.

Живко чуть наклонил голову к плечу, изучая меня с выражением школьного учителя, которому привели нового двоечника.

– Чай будете? Мурсальский горный. Или вы сначала хотите упасть в обморок? Я подожду. У меня, как видите, достаточно времени.

Упасть в обморок очень хотелось, но это было непрактично.

Вместо этого я обвел взглядом подвал с травами и книгами. А потом подумал о грядках, черноземе и доме с виноградной лозой на крыше. Вспомнил опенспейс на проспекте Мира, слайды и Геннадия Палыча.

– Чай, – твердо сказал я. – Давайте чай.

Второй мой чай в этом мире. Первый раз вкус мне понравился, так почему бы не повторить?

Живко моргнул. Это, видимо, был не тот ответ, которого он ждал.

Потом уголок серо-зеленых губ дрогнул в слабом подобии улыбки, и зомби с удивительной ловкостью повернулся к полке, на которой стоял начищенный до блеска медный поднос с глиняными чашками.

– Наконец-то, – повторил он уже другим тоном. – Наконец-то хозяин с приоритетами!

* * *

Чай оказался отличным. В отличие от того, которым угощал нотариус, тут было медовое послевкусие. Живко заваривал его в медной джезве, добавляя турецкого колорита. Его костлявые серо-зеленые пальцы, порхающие над посудой, выглядели одновременно заволаживающе и немного жутковато.

– Сорок лет, – сказал я, отхлебывая напиток. – Вы сорок лет просидели тут один?

– Сто двадцать, если считать от момента моей, скажем так, трудовой реинкарнации, – поправил Живко, усаживаясь напротив. Он не пил – просто держал чашку в руках, грея ладони. Скорее всего, делая вид, что греет, ибо вряд ли зомби может замерзнуть. – Но последние сорок провел именно в одиночестве. Предыдущий хозяин Велизар скончался, а я остался. Обычно протирал пыль, читал книги и штопал феску. Она, понимаете ли, поизносилась. Увлекательнейшие были годы.

– А что было до Велизара? – осторожно уточнил я.

– До Велизара я уже и не все помню. Он-то меня поднял, если использовать профессиональный термин. Я при жизни был учителем в местном читалище. Преподавал историю, ботанику и по необходимости все остальное. Умер от лихорадки в тысяча девятьсот пятом году.

Велизар решил, что человек с моими знаниями не должен пропадать. А я решил, что мертвецу спорить не с руки. Поэтому так и сложилось.

Он говорил об этом так просто, словно речь просто шла о смене работы. Был учителем – стал зомби-дворецким. Бывает.

– А Велизар... он был...

– Некромантом. Да-да, вот именно с таким лицом все и реагируют, – вздохнул Живко. Ощущение, что ему надоело объяснять очевидное. – Некромантия – это работа с энергией жизни и смерти, не более. Велизар применял ее для... Скажем так, огородничества.

– Огородничества? – икнул я.

– Огородничества, – без тени иронии подтвердил он. – Хотите, покажу?

Отказываться было неразумно.

Участок открывался сразу за задней стеной дома до склона холма, поросшего одичавшими розовыми кустами. Все полтора гектара запущенной земли, угу. Сорняки стояли по пояс, грядки превратились в холмы и канавы, а фруктовые деревья печально скрючились.

Слева, за каменной оградой, виднелись соседские поля. Справа раскинулся овраг, а за ним и лес. Впереди за холмом поднимались горы.

Я присел, зачерпнул горсть земли и... отдернул руку. Земля гудела в самом прямом смысле! Чувствовалась едва ощутимая вибрация, как если бы далеко внизу работал гигантский мотор. И пахло полынью, розами и чем-то сладковато-темным, что я тогда почувствовал в кургане.

– Ощущаете? – Живко стоял в дверном проеме, сложив руки за спиной.

– Что это?

– Остаточная некромантическая энергия. Когда-то тут было очень-очень старое кладбище. Хоронили боярских воинов, если верить документам. А под ними... – сделал он паузу. – Возможно, кое-что еще постарше. Велизар всю жизнь изучал эту землю и говорил, что она живая.

Я посмотрел на землю в своей ладони. Черная и рассыпчатая. Еще и гудит.

– Здесь можно выращивать что угодно, – сказал Живко. – Но то, что вырастет, будет... не совсем обычным. Велизар выращивал черные розы, и из них получалось масло, которое не мог произвести больше никто в Долине. Однако он умер, и розы одичали. Сами видите, господарю, в каком теперь все виде. А я все же не садовник, поэтому мне не хватало... – Он запнулся, подбирая нужное слово: – Компетенции.

– Вам нужен агроном, – задумчиво сказал я.

– Участку нужен агроном, – поправил он. – Мне нужен хозяин, который не будет кричать при виде зомби и не попытается продать землю в первый же день. Предыдущие два наследника сделали именно это. Один убежал, другой пытался продать, но никто не брал. В итоге плюнул и уехал.

Я стоял и смотрел на дом. Балкон косой, штукатурка оставляет желать лучшего, лоза на крыше хозяйничает, как у себя дома... Собственно, она и есть у себя дома. Только вот...

Геннадий Палыч всплыл сам собой: «Егорка, смотри, слайд семнадцать, шрифт кривоват. Ты уж постарайся».

И дома кактус на подоконнике. Единственное живое существо, которое хоть как-то радовалось моему существованию.

– Живко, скажите...

– Да, господарю?

– Тут же где-то можно купить семена?

Он молча поправил феску.

– Завтра обязательно расскажу. А пока поешьте и ложитесь наверху. Белье сорокалетней давности, но я проветривал.

– Часто? – зачем-то спросил я.

– Раз в десятилетие, как положено.

Я не стал уточнять, кем именно положено.

Моя новая комната оказалась маленькой, с низким потолком и окном, выходившим на участок. Деревянная кровать, лаванда, пыль. И очаровательный стульчик с резными ножками.

Я лег, даже не потрудившись раздеться. Бронзовая фигурка в кармане была странно теплой.

За окном горы темнели на закатном небе. Снизу доносилось тихое позвякивание – Живко мыл посуду.

Глава 2

Обычно меня заставлял проснуться будильник. Или же крики соседей за стеной, которые уже стали почти родными в моей съемной однушке. Но на этот раз причиной пробуждения стал совершенно удивительный запах: жареные яйца, свежие травы и, кажется, что-то прокопченное и поверх всего... розы. Розы были просто везде.

Несколько секунд я лежал, глядя в потолок, и пытался вспомнить, где нахожусь. Низкий деревянный потолок с темными балками открылся взору во всей красе. На одной из балок сидел паук впечатляющих размеров и задумчиво меня разглядывал. Не то чтоб я арахнофоб, но эту живность не одобряю. А вот сейчас, надо же, было как-то... никак. Паук был просто частью интерьера.

В общем, я понял, что по-прежнему в другом мире и мне ничего не приснилось. Наследство и зомби в феске никуда не делись.

Когда я сел на кровати, та жалобно скрипнула, намекая, что сорок лет спокойно стояла тут себе, и тут приперся я.

За окном стояло раннее-раннее утро. Горы на горизонте розовели в рассветных лучах, и я невольно даже залип на пару секунд. В моей прошлой жизни из окна виднелась парковка и мусорные баки, а здесь... даже сравнивать кощунственно!

Бронзовая фигурка так и лежала на прикроватном столике. Я точно помнил, что засыпал, сунув ее в карман. Видимо, выложил перед сном. Или... она сама выбралась? С учетом всего происходящего я бы не удивился, что тут шастают неоживленные предметы.

Из-под двери все сильнее тянуло волшебным ароматом еды. Желудок напомнил, что вчерашний ужин был уже давно, а дорога из кургана в другой мир крайне весьма энергозатратна и не пора ли нам подкрепиться?

Я счел, что пора. Потянувшись и хрустнув позвоночником, встал и вышел из комнаты.

Что ж... могу сказать, что кухня оказалась, пожалуй, единственным помещением в доме, которое выглядело обжитым. Каменный очаг с чугунной плитой, начищенные медные кастрюли и висящие на крючках сковородки. Под потолком висели связки сушеных трав – кажется, там были мята, чабрец и что-то незнакомое с фиолетовыми листьями. Понятия не имею, что это. В центре стоял массивный стол, уже порядком потемневший от времени.

На столе меня ждал завтрак. М-м-м, яичница из трех яиц на тяжелой чугунной сковороде и тонко нарезанное вяленое мясо, от которого пахло паприкой и дымком. Сбоку примостился хлеб с хрустящей корочкой. И, разумеется, чай в глиняной чашке. Ха, дайте угадаю, мурсальский горный?

– Яйца от соседских кур, – невозмутимо сообщил Живко, так бесшумно материализовавшись у меня за спиной, что я от неожиданности чуть не опрокинул стол. – Они давно считают наш двор своим. Куры, в смысле, а не яйца. Мясо из погреба, ему лет пять. Но зачарованное, поэтому не портится. По крайней мере, я на это надеюсь. Хлеб вчерашний, но я подогрел, надеюсь, пойдет.

– Вы вчера делали хлеб? – удивился я.

– Я пытался.

– Спасибо, – прочувствованно сказал я, решив пока не задумываться о происхождении продуктов. – А вы... сами не едите?

– Не нуждаюсь, – ровно ответил он. – Но, конечно, помню вкус. Это, пожалуй, самое обидное в моем положении. Очень грустно помнить вкус баницы и не иметь возможности ее оценить снова. Впрочем, приготовить могу, навыки не пропали. Поэтому, если пожелаете, только скажите.

Решив больше не задавать вопросов, я откусил хлеб, запил чаем и на секунду зажмурился. О-о-о... Как же это невероятно вкусно. Пять лет сэндвичей из ближайших кафешек внезапно показались трагедией вселенского масштаба. Или не пять... ощущение, что я ел сэндвичи всю жизнь!

После этого я азартно накинулся на еду и убедился, что остальное однозначно не хуже.

Кошмар. Один из самых вкусных завтраков мне приготовил зомби! Я сошел с ума? Определенно нет!

– Живко, – прожевав, начал я. – Мне нужно нормально осмотреть дом при свете. Вчера я... увидел не все.

– Разумеется, господарю. Экскурсия – самое меньшее, что я могу предложить. Должен предупредить, что вы будете разочарованы. Я поддерживал дом как мог, но я все-таки один, а рук у меня, строго говоря, одна и одна с проблемой.

Я вопросительно поднял бровь.

Живко поднял левую руку и продемонстрировал кисть. Ага, вижу, отсутствует мизинец.

– Травма при жизни? – сочувственно спросил я.

– Инцидент с крысой, – невозмутимо ответил он. – Тысяча девятьсот тридцать второй год. Не спрашивайте.

* * *

На экскурсию по дому ушло около полутора часа. После нее мое представление о том, что значит «здание требует ремонта», изменилось навсегда.

Как я и думал, на первом этаже единственным приличным помещением была кухня. Потом шла гостиная с диваном, из которого торчали пружины, и камином, где свила гнездо какая-то птица. Кладовка была полупустая. Полу... из-за армии пауков, которые там очень уютно расположились и явно не собирались платить аренду.

На втором этаже было всего три комнаты. По размеру моя спальня была самой маленькой, но выглядела лучше остальных. И еще бывший кабинет Велизара, в котором потолок провалился два года назад, а с тех пор через дыру в крыше проросло небольшое деревце.

– Я оставил его, потому что оно создает настроение, – невозмутимо пояснил Живко.

– Какое? – покосился я.

– Упадническое. Оно мне близко.

Да уж, тут без комментариев.

Лестница на чердак выглядела так, будто разваливалась еще при Велизаре. А в подвале, уже виденном мною, находилось рабочее пространство Живко, библиотека и, по сути, жилище.

Зато кабинет Велизара оказался интересным. Здесь пахло бумагой и чернилами, а еще витало что-то пряно-горьковатое.

Помещение оказалось небольшим. Книжные полки по всем стенам, на которых разместились толстые тома, свитки и стопки рукописей. Стол у окна был завален записями. Всякие тетради, разрозненные листы, и рисунки высятся горочкой. Я подошел и осторожно перевернул несколько страниц, обнаружив, что записи велись на нескольких языках. Хм, что-то похожее на болгарский, что-то на латынь, а что-то вообще выглядело как сумасшедшие иероглифы.

Но рисунки... Вот с ними все оказалось неожиданно понятно. Схемы корневых систем и разрезы почвы в поперечном сечении. Таблицы посевов с пометками дат, температуры и какого-то параметра, обозначенного символом, похожим на перевернутый египетский анк. А вот тут детальные зарисовки растений, среди которых я точно опознал розы. Еще были овощи и какие-то травы. На полях и между строк были заметки мелким почерком.

– Велизар вел записи всю жизнь, – сказал Живко, стоя в дверях. – Столько лет наблюдений за участком. Он указывал все, что растет, как растет, что и как влияет на рост. Он был не только некромантом, но и человеком, до ужаса любившим систематизировать.

– Это же... – выдохнул я, перелистывая страницы, и пальцы мои невольно подрагивали. – Это полноценный агрономический дневник! С данными за целые десятилетия! Вы понимаете, какая это ценность?

– Ну, мне всегда казалось, что это довольно скучное чтение, – честно признался Живко. – Но если вам оно полезно...

– Полезно?! – чуть не подпрыгнул я. – Живко, у меня тут готовая база для работы! Мне бы неделю, чтобы все прочитать и...

– Увы, записи преимущественно на староболгарском, – несколько охладил он мой пыл. – Но я могу для вас попереводить, это не проблема. Все-таки я тут учитель, а не просто, с вашего позволения, говорящий зомби.

– Вы очень умный говорящий зомби, Живко. И это прекрасно.

* * *

После обхода дома я выбрался на участок.

Вчера я видел его в закатном свете, устал, был ошарашен – словом, ничего толком не разглядел. Утром же, при полном солнце и после завтрака... совсем другое дело. Пробудившийся после стольких лет спячки агроном жаждал активности.

Я начал с того, что просто прошел участок из одного конца в другой. Примерно двести метров в длину и семьдесят пять в ширину, по форме похоже на неровную трапецию, повторяющую изгиб холма. С одной стороны каменная стена, с другой раскинулся овраг. Сзади был склон, поросший дикими розами, а впереди как раз задняя стена дома.

Сорняки стояли просто стеной. Но сквозь них я видел остатки прежней планировки, и стоило отметить, она была весьма неплоха. Вот ровные, хоть и заросшие, грядки, следы дорожек и остов деревянной теплицы. У дальней стены притулились три старых фруктовых дерева. Так... слива, вишня и что-то... хм, непонятно. Ладно, потом разберемся.

Я присел на корточки, достал из кармана перочинный нож – единственный полезный предмет, что при мне был из старого мира, и сделал разрез почвы.

Привычка с университета, кстати. Хочешь понять землю – посмотри, что у нее внутри.

Верхний слой в двадцать сантиметров оказался плотным и забитым корнями сорняков. Под ним уже начинался жирный чернозем, настолько прекрасный, что в моем мире за него бы дрались. И здесь начиналась та самая странная вибрация, которую я ощущал кончиками пальцев. Чем глубже я копал, тем сильнее она становилась.

– Некромантическая энергия распределена неравномерно, господарю, – раздался голос Живко откуда-то сзади. Он стоял на пороге задней двери, не выходя на солнце. – Ближе к центру участка она будет посильнее. Велизар считал, что основной источник находится на глубине примерно четырех-пяти метров. Он пытался копать, но... решил не рисковать.

– Почему? – озадачился я.

– Потому что на глубине трех метров лопата начала плавиться, – донесся ответ.

Эм... Я посмотрел на свой перочинный нож. Нож был в порядке, но я на всякий случай убрал его в карман.

Хорошо, тогда займемся наблюдением и изучением. Я обошел весь участок, примечая, где сорняки растут гуще, почва темнее и гудение сильнее. Через час у меня уже сложилась примерная карта. Получалось, что участок делился на три условные зоны.

В той, что ближе к дому, слабая энергия и почва почти нормальная. Тут можно было бы выращивать что-то обычное, если обычное тут, конечно, вообще существует.

Средняя часть была уже с ощутимой энергией и темной почвой, почти маслянистой на ощупь. Остатки велизаровских грядок, получается. Одичавшие черные розы росли именно тут.

Третья расположилась прямо у склона холма. Здесь земля была почти горячей на ощупь, а сорняки росли размером с небольшое деревце. Один лопух доставал мне до плеча.

– Да тут материалов на целую диссертацию, – пробормотал я.

К полудню я выдохся, покрылся землей с ног до головы и был... абсолютно счастлив. Впервые за пять лет я занимался не ерундой в офисе, а изучал почву. Пусть и с некромантическим привкусом.

Живко наблюдал за мной из окна кухни с выражением, которое можно было расценить, как сдержанное одобрение.

Когда я ввалился в кухню, чайник вовсю кипел.

– Ну? – коротко спросил зомби.

– Земля невероятная! – выпалил я, плюхнувшись на стул. – Три зоны разной интенсивности. Чернозем с органикой, которую я даже не могу классифицировать. Кислотность, судя по растениям-индикаторам, идеальная. Еще естественный дренаж, где наклон обеспечивает сток. Если вычистить сорняки и восстановить грядки... о-о-о...

– Господарю, – мягко перебил Живко. – Вы пять минут говорите без остановки. Хотя бы выпейте чаю.

Я выпил, а потом выпил еще, осушив чашку до самого дна. Все это просто невероятно! Давно я не был в таком восторге.

– Мне нужны семена, – подумав, сказал я и добавил: – Инструменты еще, и, желательно, хоть какое-то понимание, как тут работает магия. Я агроном, а не маг.

– Семена можно купить в Тихом Логе. Деньги... – Живко открыл ящик стола и достал небольшой кожаный мешочек. Внутри которого что-то звякнуло. – Велизар оставил немного, на первое время хватит.

Я принял его и заглянул. Монетки, очень похожи на болгарские стотинки, но крупнее и кое-где внешне отличаются все же. Бумажных денег не обнаружилось.

– А магия?

– С магией вопрос сложнее. Вы, насколько я могу судить, ей не обладаете совсем.

– Совсем, – подтвердил я.

– Однако земля вас слушает.

Я заморгал, осознавая услышанное, и уточнил:

– В каком смысле?

– Вы провели на участке четыре часа, и за это время сорняки в том месте, где вы делали разрез почвы, отступили на полметра в каждую сторону. Я наблюдал из окна, господарю, могу сказать, что земля расчистила себя сама вокруг вас.

Я непонимающе уставился на него. А потом встал и вышел в заднюю дверь.

И... Живко не врал. Там, где я копал утром, образовался аккуратный круг голой чистой земли. Ни сорняка тебе, ни травинки, ни даже гусеницы. Чернозем лежал ровненько, будто его кто-то вскопал и разровнял граблями. Только я этого точно не делал!

– Она вас приняла, – тихо сказал Живко за моей спиной. – Так было и с Велизаром в самом начале. Земля сама выбирает хозяина.

У меня по спине пробежал холодок. Приятный и жуткий одновременно.

– Ладно, – сказал я. Коронная фраза, куда без нее. – Это... ладно, что тут скажешь, лучше... давайте проверим кое-что.

Я стремительно вернулся в дом и перерыл кабинет Велизара. Мне нужны были семена. Хоть какие-нибудь. На одной из полок нашелся деревянный ящичек с отделениями, в каждом из которых лежал маленький бумажный пакетик с надписью от руки.

Живко мне перевел:

– Томаты, перцы, тыква, базилик, смислово биле.

– Что такое смислово биле?

– Тут написано, что это трава с непредсказуемым характером.

Биле так биле. Впрочем, пока не буду рисковать и возьму пакетик с томатами. После этого я вышел на участок, присев в центре того самого чистого круга.

– Живко, сколько обычно у вас растут томаты?

– Как и везде, полагаю. Два-три месяца от посева до урожая. Магические сорта быстрее, там, пожалуй, около месяца.

– Хорошо, тогда приступим прямо сейчас.

Я разгреб землю просто пальцами, не желая тратить времени на инструменты. Сделал неглубокую лунку, положил туда три семечка и присыпал землей. Полил из кружки, принесенной Живко с кухни.

Так, вроде все по науке. Глубина посадки, расстояние, полив. Агрономия – она и в некротическом мире агрономия.

Живко стоял рядом, скрестив руки на груди, и молчал.

Затаив дыхание, я ждал, что произойдет. Прошло две минуты, пять и... Ничего. Я уже начал чувствовать себя глупо, когда...

Земля вздрогнула и будто с облегчением выдохнула. А в следующий миг из лунки полез росток. Это было не просто быстро, а... *по-настоящему* быстро. Зеленый стебелек пробил почву, развернул первые листочки и потянулся вверх. Сначала он вырос на десять сантиметров, а через несколько минут на все тридцать! Стебель утолщился, листья разворачивались с мягким шелестящим звуком, и я видел, как по жилкам бежит что-то, похожее на сок, только с легким... свечением.

Через пять минут передо мной стоял томатный куст высотой по колено. Крепкий такой, с темно-зелеными листьями и тремя кистями. На кистях уже повсюду набухали плоды... черного цвета.

– Ох ты ж... – выдохнул я.

Пожалуй, при виде чуда надо бы сказать что-то другое, но словарный запас помахал ручкой.

Помидоры были иссиня-черными с глянцевым бочком и размером с крупную сливу. И еще они мерцали едва заметным фиолетовым огнем, как будто внутри каждого плода тлел маленький уголек. Ничего себе...

Я осторожно сорвал один. Теплый какой! Пах томатом и немного базиликом. А еще была нотка чего-то темного и сладковатого, как от тех роз во дворе. Это запах огородной некромантии?

– Рискнете? – спросил Живко, и в его голосе мелькнуло что-то похожее на любопытство.

Да! Как настоящий ученый все испробую на себе. Не теряя времени, я с чувством откусил.

Вкус оказался... Знаете, бывают моменты, когда еда – это не просто еда? Вот ты откусываешь, и что-то внутри тебя щелкает, как будто встало на место? Вот это было именно оно. Сладко-терпко с легкой горчинкой и почти винным послевкусием. Лучший помидор, который я когда-либо пробовал.

– Ну? – Живко даже чуть наклонился вперед.

– Это невероятно... – честно сказал я.

Зомби выпрямился, поправил феску и произнес:

– Велизар говорил то же самое. Первый урожай тысяча девятьсот сорок второго года. Я запомнил, потому что это был единственный раз, когда он счастливо и легко засмеялся.

Повисла теплая и немного грустная пауза.

– А еще, господарю, из этого, – добавил Живко после раздумий, – можно сделать личную лютеницу. Если вы организуете перцев.

Я засмеялся. Тоже первый раз за все время в этом мире. И это было до чертиков настоящего.

* * *

В общем, до вечера я посадил еще три пробных грядки с перцами, базиликом и тем самым смиллове биле. Какого оно рода – остается только гадать. Но вроде оно. Перцы выросли за двадцать минут, светясь изнутри нежно-зеленым. Они были длинными, как капля, но с завитком на конце, похожим на бараний рог. Базилик вымахал на полметра. Он был почти черного цвета и пах так, что слезились глаза. А смиллове биле...

Даже когда оно выросло, легче не стало. С виду невысокая травка с серебристыми листьями и белыми цветами. Вроде красиво, но стоило потянуться, чтоб сорвать листочек, как она... отдернулась.

Минуточку... Что это еще за?

– Она уклоняется, – растерянно произнес я.

– Я же предупреждал, – отозвался Живко. – Совершенно непредсказуемый характер. Велизар с ней тоже не справился, если что. Считал, что она разумна, но глупа и капризна. Редкое сочетание.

Ну, как сказать... В жизни такое не так уже и редко. Может, она пока не в настроении? Ладно, оставим смиллове биле в покое. Ему тут, кажется, и так неплохо.

* * *

К закату я сидел на крыльце, пил чай и смотрел на свои грядки. Три аккуратных ряда посреди моря сорняков. Черные томаты мерцали в сумерках, перцы мягко светились, как изумрудики. Красиво, если привыкнуть к легкому ощущению жути.

Живко вынес второй стул и сел рядом. Все это он делал удивительно по-человечески. Расправив полы сюртука, зомби устроился на стуле и сложил руки на коленях. Мы молча смотрели на закат. Горы темнели, небо наливалось персиковым цветом, а в долине уже зажигались огоньки Тихого Лога.

– Живко, а этот сосед, чьи куры к нам приходят... – начал я.

– Чорбаджия Кръстьо Гнилов, – ответил он, не дожидаясь вопроса. – Крупнейший землевладелец Долины и хозяин лучших розовых полей.

Чор... бад... Кръ... Тьфу, надо будет потренироваться выговаривать.

– Он знает, что у этого участка новый владелец?

Живко помолчал и поправил феску. Он так делал, когда подбирал нужные слова.

– Знает, – наконец сказал он. – В маленьком городе новости разносятся очень быстро. Вы приехали вчера, а он, вероятно, узнал сегодня к полудню.

– И это плохо? – осторожно спросил я.

– Это... зависит от вас, господарю. Чорбаджия Кръстьо давно присматривается к этому участку. Предыдущим двум наследникам он предлагал выкупить землю, но не срослось. Я не утверждаю, что это связано, но...

Что ж... Чтоб сказать, что связано, надо иметь доказательства. А судя по всему, у Живко их нет.

– Но? – подтолкнул я.

– Но если вы намерены остаться, то должны знать, что он придет и он будет улыбаться. Чорбаджия Кръстьо всегда улыбается. Это, пожалуй, самое неприятное в нем.

Я посмотрел на свои грядки с томатами, перцами и дурацкой уклончивой травой. Ладно, не такой уж и дурацкой. Перевел взгляд на дом, который будто начинал дышать, хоть еще и оставался старым и покосившимся.

– Я остаюсь, – сказал я.

Живко кивнул, совершенно не удивившись. Или просто мне так показалось.

– Тогда завтра отправимся за семенами, инструментами и, если позволите совет, за осторожностью. Она вам понадобится больше, чем лопата.

Я моргнул, но уточнять не стал. Наверное, он все же имел в виду с осторожностью.

Откуда-то из-за оврага донесся крик ночной птицы. Над Стара Планиной зажглась первая звезда. Земля подо мной тихо и ровно гудела, напоминая сердцебиение огромного спящего древнего существа.

– Живко?

– Да, господарю?

– Мне показалось, что сегодня к калитке подходил какой-то мужчина, пока я был на участке. Постоял, смотрел минуты три и ушел. Лысый и в дорогой жилетке, на шее блестела золотая цепочка...

Живко медленно повернулся ко мне. Его и без того запавшие глаза, казалось, запали еще глубже.

– Вы точно его видели?

– Ну да, – немного растерялся я. – Краем глаза, правда, пока с землей ковырялся. Но потом отвлекся и забыл.

– А мне, значит, не сообщили.

– Не придал вообще значения.

Живко снял феску. Аккуратно положил на колено и провел ладонью по лысому серо-зеленому темени, что явно означало высшую степень беспокойства.

– Это не прохожий, господарю, – тихо сказал он. – Это и есть чорбаджия Кръстьо Гнилов. Значит, он точно все знает.

Глава 3

На следующее утро я сидел за столом, жевал хлеб с медом (мед нашелся в кладовке, зачарованный, как и все остальное), а Живко, выпрямившись во весь свой немаленький рост, вещал:

– Правило первое, господарю: вы наследник Велизара Кръстанова. Это все, что людям нужно знать. Не уточняйте, откуда вы, и не рассказывайте про артефакт. И ради всего святого, не упоминайте, что земля под вами гудит.

– А если спросят?

– Улыбайтесь. Это всех бесит и в то же время уберегает от драки.

Что ж, звучит логично.

– Правило второе?

– Обо мне ни слова. По крайней мере, в первое время. Разумный зомби в подвале – это не та информация, которая располагает к добрососедству. Для местных жителей я не существую. Велизар обо мне много лет не рассказывал, и будет обидно, если вы разрушите эту традицию за один поход на базар. Не то чтобы я единственный такой в стране, но все же...

– Понял, – кивнул я. – Что еще?

– Правило третье и самое важное, – продолжил Живко. – Если к вам подойдет полный лысый мужчина с усами и золотой цепочкой, будьте вежливы, но ничего не обещайте. Ни-че-го. Ни продать, ни сдать, ни подумать. Чорбаджия Кръстьо трактует почти все как «да», кроме прямого удара в челюсть.

– А простое *нет* как трактует? – на всякий случай уточнил я.

– Как *пока нет*. Но хотя бы это дает время.

Понятно. Соседушка тут еще тот. Я допил чай, сунул в карман кожаный мешочек с деньгами и встал.

– Живко, а вы... точно не можете пойти со мной?

– Я привязан к участку, господарю. Могу отойти на пару сотен метров, но не более. Один раз попробовал дойти до оврага, так левая нога осталась на месте, а я продолжил движение. Неловко вышло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.